

Иванова Наталья Александровна

**РЕФЛЕКСИВНОСТЬ НАУЧНОЙ ПРАКТИКИ: ДОЛЖНОЕ ИЛИ СУЩЕЕ?**

В статье ставится задача проблематизации рефлексивного характера научной практики: является ли рефлексивность атрибутивной характеристикой научной практики и что в этом случае понимается под рефлексией? Либо рефлексивное онаучивание есть актуальное и необходимое требование, предъявляемое в современных условиях к практике науки? Делается вывод, что формальной характеристикой научной практики является рефлексивность, понимаемая как принятие определенной системы диспозиций (когнитивных, ценностных, поведенческих). Рефлексивность как осознание диспозиционной системы в качестве условия научной практики становится сейчас необходимой и актуальной задачей.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/22.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/22.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 96-99. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/3-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

## Список литературы

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. А. Д. Ковалева. М.: Директ-Медиа, 2007. 546 с.
2. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью [Электронный ресурс] / пер. М. С. Добряковой. URL: [http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman\\_stigma.pdf](http://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf) (дата обращения: 15.10.2014).
3. Жигунова Г. В. Социальная идентификация лиц с инвалидностью // В мире научных открытий. Серия , Проблемы науки и образования. 2011. № 5. Ч. 1. С. 488–489.
4. Жигунова Г. В. Ювенальная инвалидность в системе социальной реальности российского общества: монография. Красноярск: НИЦ, 2011. 174 с.
5. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
6. Прохорова М. В., Мекка О. А. Инвалидность в контексте теории жизненного мира личности [Электронный ресурс] // Успехи современного естествознания. 2005. № 1. URL: [www.rae.ru/usc/?section=content&op=show\\_article&article\\_id=7781672](http://www.rae.ru/usc/?section=content&op=show_article&article_id=7781672) (дата обращения: 10.11.2014).
7. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / пер. с англ. Д. Н. Дудинского. Минск: Попурри, 2000. 672 с.

## PERFORMANCE OF ROLE OF “SICK PERSON” BY DISABLED IN EVERYDAY LIFE

Zhigunova Galina Vladimirovna, Doctor in Sociology, Associate Professor  
Murmansk State Humanities University  
Galina-zhigunova@yandex.ru

The article shows the influence of disability on the everyday life of disabled. The author believes that disability is a socially constructed phenomenon and concludes that the perceptions of people with disabilities differ from the positioning of disabled themselves. People with disabilities integrated into society, as a rule, do not consider themselves hopeless and distance from the role of “sick person”. In this regard, it is necessary to form an adequate public opinion about disabled and create conditions for the realization of their rights and opportunities.

*Key words and phrases:* disability; disease; social status; social role; daily life.

УДК 101

## Философские науки

*В статье ставится задача проблематизации рефлексивного характера научной практики: является ли рефлексивность атрибутивной характеристикой научной практики и что в этом случае понимается под рефлексией? Либо рефлексивное онаучивание есть актуальное и необходимое требование, предъявляемое в современных условиях к практике науки? Делается вывод, что формальной характеристикой научной практики является рефлексивность, понимаемая как принятие определенной системы диспозиций (когнитивных, ценностных, поведенческих). Рефлексивность как осознание диспозиционной системы в качестве условия научной практики становится сейчас необходимой и актуальной задачей.*

*Ключевые слова и фразы:* научная практика; рефлексивность; рациональность; постнеклассическая рациональность; диспозиционная система.

Иванова Наталья Александровна, к. филос. н., доцент  
Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета  
ivanova-nkfi@mail.ru

## РЕФЛЕКСИВНОСТЬ НАУЧНОЙ ПРАКТИКИ: ДОЛЖНОЕ ИЛИ СУЩЕЕ?®

В философской традиции под рефлексией понимается форма мыслительной деятельности, направленная на осмысление оснований практики. Выделяют две трактовки рефлексии. Первая указывает на объективацию мышления в языке и других символических системах, другая отождествляет рефлексии с самим актом рефлексии [10]. К особенностям рефлексии относят, во-первых, функциональное различие видов рефлексии: ситуативную, ретроспективную, проспективную [5]. Во-вторых, объектом рефлексии выступают не только акты мышления и их содержание, но и восприятие, чувства, сомнение, вера, желание, действие, ценности и др. В-третьих, рефлексии противопоставляют предметно-практической деятельности. В-четвертых, рефлексия предполагает дистанцию между субъектом рефлексии и тем, на что она направлена. И, наконец, рефлексия предстает как форма продуцирования самой субъективности. Результатом рефлексивного акта является своего рода эмансипационный эффект – появление нового знания.

Идея рефлексии предполагает существование до- и нерелексируемого опыта, который рационалистическая традиция отрицала, а иррационалистическая признавала в качестве фундаментального основания всех форм жизни. На то обстоятельство, что рефлексия хоть и обуславливает специфику человека, однако не носит обязательного характера, обратил внимание Г. Лейбниц. Он писал: «...для нас невозможно рефлексировать

постоянно и явным образом над всеми нашими мыслями, в противном случае наш разум рефлексировал бы над каждой рефлексией до бесконечности, никогда не будучи в состоянии перейти к какой-нибудь новой мысли [7, с. 118]. И если в философии идеи Г. Лейбница получили дальнейшее развитие в психоанализе, то в современной социальной теории на возможность нерефлексивных, бессознательных источников действия и познания указывают П. Бурдьё, Э. Гидденс и Р. Коллинз [2; 4; 6]. Следовательно, еще одной особенностью рефлексии является диалектическая взаимосвязь рефлекслируемого знания и нерефлекслируемого опыта.

В отличие от традиции ограничивать рефлекссию сферой субъективного и отождествлять ее с актами сознания, ее более широкая трактовка связана с идеями Ф. Шеллинга. Немецкий мыслитель допускал существование рефлексии в природе, которая у человека приобретает форму осознания и актуализации диспозиций. «Над первой и второй рефлексией, – пишет Ф. Шеллинг, – существует еще более высокая рефлексия, объединяющая обе первые. Это – философская рефлексия. И в ней есть своя система, ибо истина может быть только одна. Эта рефлексия есть не что иное, как всеобъемлющая рефлексия, полная система во всех аспектах, или опять природа. Она есть природа, доведенная до высшего сознания, природа в ее ясности и совершенстве» [18, с. 21]. Что касается первой и второй рефлексии, то под первой понимается акт представления, под второй – определенное действие, тем самым утверждается единство познания и действия как частный случай единства природы и духа.

В современной отечественной философии расширенное понимание рефлексии предлагает В. А. Лефевр [9]. В его концепции субъектом рефлексии могут выступать как отдельные индивиды, так и коллективные субъекты различной степени общности (от малых социальных групп до человечества в целом). Более того, согласно позиции В. А. Лефевра, рефлексией могут обладать искусственные системы, например системы искусственного интеллекта. Его исследования направлены на выявление изоморфизма рефлексивных механизмов и предполагают междисциплинарный подход. Под рефлексивностью понимается способность систем конструировать модели и видеть себя в качестве инициатора этого конструирования.

Понятие рефлекслирующих систем использует М. А. Розов, понимая под ними системы, способные описывать собственное поведение и использовать полученное описание в качестве принципов, алгоритмов и правил дальнейших действий [15]. К примерам подобных систем следует отнести сферы материального и духовного производства и общество в целом. Наука при таком подходе является одной из рефлекслирующих систем, с тем условием, что наука не столько познает себя, сколько направлена на изучение внешних явлений (случай естественных наук), а ее рефлексивность проявляется в способности описывать (вербализировать) образцы собственной деятельности. Существование пределов способности науки к вербализации собственных образцов нашло отражение в известной концепции личностного знания М. Полани [11]. М. А. Розов выделяет две стратегии развития рефлекслирующих систем. Первая проявляется в приоритете логики практики перед логикой разума в ситуации несоответствия описанных правил реальному положению дел. Вторая состоит в предпочтении рефлексивных предписаний непосредственным образцам. Каждая из указанных стратегий имеет свои преимущества и недостатки. К трагическим событиям может привести как слепое некритичное следование правилам, так и их игнорирование.

Философская справочная литература предлагает различать научную и философскую рефлексию [16]. Представляется, что научная рефлексия может быть понята как научная рациональность, особенности которой в отечественной традиции детально описаны в работах В. А. Лекторского, В. С. Швырева и В. Н. Поруса.

Согласно позиции В. А. Лекторского, рациональность является одним из культурных феноменов и как культурная ценность имеет свою историю [8]. Если в античной культуре под рациональностью понималось описание мира как он есть сам по себе, то в Новое время ценным становится вмешательство в Природу и создание искусственных объектов. Одновременно формируются узкие трактовки рациональности как соотношения выгод и издержек при минимизации последних и максимизации первых. Факт исторической изменчивости представлений о рациональности, признание ограниченных возможностей разума и иррациональных оснований деятельности и познания, вопрос о субъектном основании рациональности привели к критике рациональности. На стороне защитников рациональности были представлены следующие аргументы. Культурно-историческая изменчивость рациональности и открытие сферы иррационального не отменяют факта существования правил логического рассуждения, построения системы аргументаций, то есть рациональных оснований человеческой жизнедеятельности и необходимости расширения границ рациональности. Кризис идеи рациональности, с одной стороны, и поиск путей развития рационального потенциала – с другой, позволяют говорить о различных трактовках рациональности. В первом случае под рациональностью понимается деятельность в рамках принятой системы когнитивных и ценностных предпосылок [Там же, с. 31], во втором – рефлексивное осознание и пересмотр самих когнитивных и ценностных предпосылок [Там же, с. 33], что предполагает определенные условия для своей реализации, а именно свободу, равенство, доверие.

Широкую трактовку рациональности как формы мироотношения, охватывающей не только познание, но и практическое действие, предлагает В. С. Швырев [17]. Основанием рациональности выступает идеальный план действия, нацеленного на эффективность или успешность действия. Рациональность предполагает выполнение двух условий: рефлексивный самоконтроль и учет требований реальности. Указанные основания и требования к рациональной деятельности предполагают различную степень их реализации, различный масштаб или горизонт рациональности. В связи с этим можно говорить о закрытой и открытой рациональности. Закрытая рациональность представляет собой направленность на реализацию идеального плана познания или действия на основе определенных предпосылок и ориентиров. Открытая рациональность предполагает критическое отношение самих условий и оснований идеальных планов, ситуаций целеполагания (от их усовершенствования до отказа от них).

В. Н. Порус различает критерияльную и критико-рефлексивную рациональность, отношение между которыми носит парадоксальный, сопряженный характер [13]. Критерияльный подход к рациональности чреват двумя крайностями: от абсолютизации частных критериев рациональности до их релятивизации, вплоть до отказа от рациональности. Критерияльная рациональность характерна для научной практики в силу многообразия ее форм и может быть представлена логоцентрической, операциональной, эмпирической, нормативной и другими системами. Критико-рефлексивная форма рациональности предполагает ревизию частных критериев рациональности. В результате на авансцену философского анализа науки выходит субъект, поднявшийся до критики оснований собственной мысли и практик [Там же, с. 113], осознающий свою свободу и ответственность.

В западной традиции особенности рефлексивности в отношении науки раскрывает У. Бек, выделяя две конъюнктуры в отношении науки: простое и рефлексивное онаучивание [1, с. 326]. Простое онаучивание предполагало приложение науки к миру (природе, человеку, обществу), противопоставление науки и практики, традиции и модернизации, дилетантов и экспертов. На рефлексивной стадии наука сталкивается с результатами собственной деятельности (собственным творением), научное сомнение распространяется на саму науку, наука начинает рассматриваться не столько как источник решения проблем, сколько как источник самих проблем, баланс научных побед уравнивается балансом поражений и невыполненных обязательств. Результатом этих процессов становится монополизация познания, к проявлениям которой следует отнести научно-теоретический фаллибилизм и фаллибилизм исследовательских практик, инверсию внутреннего и внешнего, феодализацию познавательных практик. Обращение к прошлому и настоящему науки имеет значение в связи с возможным будущим науки, которым должна стать обучающая теория научной рациональности. Ее центральной задачей будет порождение объективных принуждений и «непредсказуемых побочных следствий» научно-технической деятельности [Там же, с. 275]. Это означает, что не вне научной практики, а внутри самой науки необходимо искать штурвал и тормоз стремительного и пока неуправляемого и непредсказуемого по своим последствиям развития науки.

Различие между историческими формами и масштабом рациональности позволяет сформулировать вопрос: какого вида рациональность (рефлексия) присуща научной практике? Следует ли ее ограничивать закрытыми и критерияльными формами или можно говорить об открытой и критико-рефлексивной рациональности научной практики? Исследовательская позиция автора предполагает принятие следующих положений. Формальной характеристикой научной практики является рефлексивность, понимаемая как принятие определенной диспозиционной системы, или, в терминологии В. С. Степина, классической и неклассической рациональности. Рефлексивность как осознание всей совокупности диспозиций (как когнитивных, так и социальных) в качестве условия научной практики становится необходимой в современных условиях. Рефлексия, понимаемая как постнеклассическая рациональность (В. С. Степин [14]) или как философский разум (П. П. Гайденко [3]), в настоящее время может быть оценена как формирующаяся и становящаяся. Специфика постнеклассической рациональности заключается в признании субъектного основания научной практики как ее необходимого элемента и понимании отношения между компонентами научной практики как единого комплекса с обратными связями. Здесь уместно вспомнить эпистемологические воззрения К. Поппера, который наряду с миром физических объектов и состояний и миром объективного содержания мышления выделял мир состояний сознания и предрасположенностей (диспозиций) к действию [12, с. 108]. Это означает, что наука с необходимостью предполагает субъекта, чья диспозиционная система наряду с природной необходимостью определяет характер и содержание научной практики. Рефлексивность научной практики означает признание и исследование не только когнитивных принуждений, которые, безусловно, присутствуют в научном исследовании, но и диспозиций, имеющих социальную природу. Представляется, что эта задача в настоящее время еще не решена.

#### Список литературы

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; послесл. В. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерки теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
5. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
6. Коллинз Р. Социологическая интуиция: введение в очевидную социологию // Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004. С. 399-603.
7. Лейбниц Г. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. 686 с.
8. Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26-34.
9. Лефевр В. А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
10. Огурцов А. П. Рефлексия // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2001. Т. III. С. 445-450.
11. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
12. Поппер К. Общественное знание: эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2010. 384 с.
13. Порус В. Н. Парадоксальная рациональность: очерки о научной рациональности. М.: Изд-во УРАО, 1999. 124 с.
14. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18-34.
15. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1999. 400 с.
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
17. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
18. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2-х т. / пер. с нем. М.: Мысль, 1989. Т. 2. 636 с.

## REFLEXIVITY OF SCIENTIFIC PRACTICE: DUE OR REAL?

Ivanova Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
Kemerovo State University (Branch) in Novokuznetsk  
ivanova-nkfi@mail.ru

The article sets a task of the problematization of the reflexive nature of scientific practice: whether reflexivity is an attributive characteristic of scientific practice and what in this case we should mean by reflexion? Or, reflexive scientification is a topical and necessary requirement laid to the practice of science under the present conditions? It is concluded that the formal characteristic of scientific practice is reflexivity that is understood as the acceptance of a certain system of dispositions (cognitive, value, behavioral ones). Reflexivity being the awareness of the dispositional system as a condition of scientific practice becomes a necessary and topical task now.

*Key words and phrases:* scientific practice; reflexivity; rationality; post-non-classical rationality; dispositional system.

УДК 130.2

**Философские науки**

*В статье поднимается вопрос о последствиях кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX столетий. Перерождение рационализма из способа отыскания смысла бытия в прагматическое средство преобразования мира породило множество проблем. Но один из результатов таких изменений – возникновение феномена духовной свободы. Его позитивное значение остается недооцененным и малоисследованным, что провоцирует следующий круг проблем культуры XXI века, выраженный в кризисе идентичности.*

*Ключевые слова и фразы:* мировоззрение; рациональность; культура; кризис культуры; личность; идентичность; духовная свобода; свобода образования смысла; кризис идентичности.

**Извеков Аркадий Игоревич**, к. филос. н., доцент  
Санкт-Петербургский институт специальной педагогики и психологии  
Arkady.izvekov@gmail.com

**ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ  
РАЦИОНАЛЬНОСТИ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ<sup>©</sup>**

Трактовка кризиса европейской культуры рубежа XIX-XX столетий как следствия, перерождения европейского рационализма стала едва ли не привычной [7]. Однако многочисленные оценки этого процесса до сих пор мало увязываются с изменениями структуры сознания и, в более широком плане, структуры личности. Вместе с тем социально-философская рефлексия кризиса прямо указывает на важнейшие признаки изменений способов обнаружения человеком смысла бытия, что не могло произойти без глубинных модификаций самосознания [11].

Важнейшая черта европейского рационализма в вопросах мировоззрения – представление о мире как чем-то, что наделено разумным смыслом. В известном отношении, эта черта – изначальная и постоянная характеристика европейской культуры, возникновение и развитие которой было возможно благодаря способности к наивной дедукции смысла [5]. Мировоззрение, формирующееся на основе такого, метода, существовало во множестве форм – от мифологии до так называемых метанарративов модерна [27]. Механизм дедукции, приводящий к возникновению поля постуляции смысла мира, варьировался в зависимости, во-первых, от типа основания дедукции и, во-вторых, от способов ее осуществления. Так, наивная дедукция смысла по-разному осуществлялась в мифологии, религии и той части философии, которую принято называть метафизикой. В каждой из мировоззренческих систем по отдельности и внутри них самих встречаются и разные типы оснований, и разные способы выведения из них всей последовательности суждений о смысловом содержании мироздания. Например, древнегреческие представления о Космосе, средневековое понимание Бога – Творца и понятия метафизики Нового времени, касающиеся Абсолюта, принципиально отличаются друг от друга и имеют различные варианты трактовок. Равно как внутри каждого из вариантов отличаются и конкретные способы осуществления дедукции.

При этом существенная особенность всех форм наивной дедукции состоит в том, что повествование об основаниях как об исходных тезисах не вызывает сомнения у самого повествующего. Тем самым они являются ему несомненными для выведения из них смыслового, нравственно-этического, морального и эстетического суждений о мире. Кроме того, основание дедукции раскрывается в словах о нем полностью, исчерпывающе ясно, определено, и такое его описание далее не ставится человеком под вопрос; оно принимается им как окончательное.

Частным случаем осуществления наивной дедукции смысла является феномен, определенный Ж.-Ф. Лиотаром как метанарратив [14]. Самым общим – культура в целом, если трактовать ее в том контексте, что был